

РЕЗЮМЕ

О. В. Дьякова, Е. В. Сидоренко. Корреляция и динамика археологических культур Приморья (от эпохи палеометалла к раннему средневековью)

В работе анализируется динамика культурных процессов в Приморье в широком хронологическом диапазоне: эпоха палеометалла — раннее средневековье. Рассматривается проблема перехода от древних культур к средневековым; устанавливается связь и преемственность археологических культур эпохи раннего металла (лидовская, янковская, кроуновская, польцевская) и средневековья (мохэская, смольнинская). Одним из факторов, влияющих на культурные процессы в регионе, выступает его относительная изоляция, что приводит к длительному сохранению археологической культуры, способствует созданию разнокультурных сообществ. В результате проведенных исследований выяснилось, что носители лидовской культуры обитали в северо-восточном Приморье до I—II вв. н. э.; носители янковской культуры, придя в регион, потеснили на север лидовское население и частично его ассимилировали; контакт янковцев с кроуновцами привел к сложению янковско-кроуновского сообщества; контакт носителей кроуновской и польцевской культур в начале I тыс. н. э. трансформировался в смольнинскую культуру; носители польцевской культуры дожили до эпохи раннего средневековья, вступили в тесный контакт с сумо мохэ, оставив после себя благословеннинскую и найфельдскую группы памятников мохэской культуры; устойчивое самостоятельное развитие традиций фиксируется в троицкой группе памятников мохэской культуры, сопоставляемой с племенем хэйшуй мохэ.

Ключевые слова: археологическая культура, лидовская, янковская, кроуновская, польцевская, мохэская, смольнинская, Сихотэ-Алинь, Приморье

А. И. Егорова, В. Н. Тугужекова, З. Е. Каскаракова, Н. Г. Канзычакова. Гендерные стереотипы в хакасских и якутских паремиях

Статья посвящена исследованию гендерных стереотипов, содержащихся в паремиях тюркоязычных народов, имеющих общие исторические корни и сходство языка и фольклора, — хакасов и якутов. В исследовании было проанализировано 177 паремий, отражающих гендерные стереотипы и социальное поведение мужчин и женщин (91 на хакасском и 86 на якутском языке), при помощи методов контент-анализа и интен-анализа с целью выявления содержания и интенций (скрытой направленности) паремий, проведено сопоставление паремий в хакасском и якутском языках.

В целом в паремиях хакасов и якутов достаточно объемно отражено содержание и четко прослеживается скрытая направленность гендерных стереотипов. В хакасских пословицах преобладают интенции: «Предостережение», «Поучение», «Оценка», «Наставление», «Упрек», «Оправдание», «Обличение», в якутских пословицах — «Восхваление», «Наставление», «Предостережение», «Оценка», «Обличение», «Упрек», «Совет». В мужских стереотипах хакасов и якутов преобладают интенции «Наставление» и «Восхваление», а в женских стереотипах — «Предостережение», «Обличение» и «Порицание», «Упрек».

Сравнительный анализ хакасских и якутских паремий на основе реконструкции глубинных пластов архаического сознания исторически родственных народов показал близость гендерных и брачно-семейных представлений. В паремиях хакасского и якутского народов отражены традиционные семейно-родовые отношения, построенные на андрократических (патриархатных) представлениях, строгой регламентации гендерных различий, дихотомизации мужского и женского, иерархии статуса мужчин и женщин. Традиционные гендерные отношения хакасов и якутов были маскулинно ориентированы, в них доминировали идеи о неравенстве полов, относительно женщин было большое количество запретов, связанных с экзогамным браком, — избегание, умыкание, карамчение, уплата калыма и т. п.

Ключевые слова: тюркские языки, хакасский язык, якутский язык, паремии, пословицы, поговорки, метафоры, гендерные роли, гендерные стереотипы, мужские стереотипы, женские стереотипы, андроцентризм, андрократия, патриархат, гендерная поляризация, зооморфные метафоры

К. О. Мищенко. Рефлексы праэвенкийского *s в говорах эвенкийского языка во второй половине XVIII в.

Тунгусские списки в составе «Сравнительных словарей всех языков и наречий» П. С. Палласа (1773 г. записи, 1787—1789 гг. издания) представляют наиболее ранний и репрезентативный лексический материал для диалектологии эвенкийского и эвенского языков. Словарные списки содержат лексику на семи наречиях эвенкийского языка и двух наречиях эвенского языка. Отдельный интерес представляет рукопись А. М. Шегрена (список рукописи 1842 г.), содержащая схожие материалы на семи эвенкийских и двух эвенских наречиях, а также на маньчжурском языке. В статье предпринимается попытка сопоставить лексику, представленную в словарях П. С. Палласа и А. М. Шегрена, установить время и место ее записи, а также уточнить картину распространения диалектов эвенкийского языка во второй половине XVIII в. Анализ материала показал, что рукопись А. М. Шегрена, по всей вероятности, представляет переработанные и расширенные словарные материалы П. С. Палласа за исключением словаря говора эвенков рода Чапогир.

Основное внимание в работе уделено рефлексу праэвенкийского *s как одному из дифференцирующих фонетических признаков диалектов эвенкийского языка. Лексика, зафиксированная в словарях эвенков Мангазеи, Енисейска и рода Чапогир, позволяет выделить изофону шекания для бассейна Енисея. Говоры северобайкальских эвенков Верхней Ангары и забайкальских эвенков Нерчинска также обнаруживают шекующий характер. Лексика, записанная от баргузинских эвенков, свидетельствует о секающем характере говора в анлауте и смешанном (секание и шекание) в инлауте. В наречии нерчинских эвенков может реализоваться в анлауте и инлауте как s, так и f. Лексика словаря наречия якутских эвенков демонстрирует в анлауте шекание и отдельные примеры секания, в инлауте проявляется дистрибуция f и h.

Ключевые слова: Паллас, Шегрен, фонетика эвенкийского языка, диалектология эвенкийского языка, праэвенкийский, тунгусо-маньчжурские языки

С. Г. Татевосов. О семантике ненецкого Итератива

В статье обсуждается семантика Итератива в ненецком языке (морфема *ngkø*) и обосновывается гипотеза, согласно которой семантическое содержание Итератива сводится к указанию на то, что описываемая ситуация существенным образом похожа на событие из экстенционала исходного предиката, но сама тем не менее не входит в него. Это неформальное описание реализуется посредством указания на близкорасположенные нижестоящие альтернативы [Penka 2006] и требования, чтобы предикат был непредельным. Такая семантика создает несколько возможных эпизодических интерпретаций. Для предельных непроеизводных глаголов образуется дескрипция процесса, непосредственно предшествующего кульминации; для непредельных глаголов — процесса, у которого некоторое параметрическое свойство (например, интенсивность или непрерывность) представлено в меньшей степени, чем в стандартном случае. Тот же сценарий может реализовываться через дополнительный этап скрытой плюрализации, создающей непредельную дескрипцию. Для хабитуальных предложений с Итеративом предполагается две возможности. В одном случае хабитуальный оператор имеет узкую сферу действия по отношению к Итеративу, и это приводит к появлению предикации со «сниженной хабитуальностью» ('изредка', 'время от времени', 'периодически'). В другом случае узкую сферу действия имеет Итератив, и тогда предложение обозначает такое же свойство индивидуального уровня, как любой другой хабитуалис. Расположенный ниже итеративный показатель оперирует непосредственно событийной дескрипцией и реализует те же возможности, что и в аналогичных эпизодических конфигурациях.

Ключевые слова: Итератив, событийная семантика, предельность, шкальные альтернативы, глагольная множественность

И. В. Федотова. Полисемия в списках самодийской базисной лексики и языковые контакты

В статье проанализированы случаи семантических переходов и праязыковой полисемии в самодийской базисной лексике, которые имеют аналоги в тюркских и тунгусских языках. С помощью платформы ЛингвоДок построены карты, позволяющие выявить ареалы схожей полисемии и аналогичных семантических переходов в трех языковых семьях. Результаты исследования представляют собой 15 семантических переходов в виде полисемии, семантической эволюции или рефлексной полисемии: 'солнце, день'; 'земля (место), почва'; 'земля' > 'пепел';

‘земля’ > ‘песок’; ‘земля’ > ‘глина’; ‘песок, галька’; ‘кожа, шкура’; ‘кожа, шкура’ > ‘кора’; ‘волосы, шерсть, перо’; ‘перо, крыло’; ‘человек, мужчина’; ‘мясо, тело’; ‘шея, горло’; ‘хороший’ > ‘красивый’; ‘мягкий’ > ‘теплый’. Выявлены 7 самодийско-тюркско-тунгусских параллелей, 5 самодийско-тюркских и 3 самодийско-тунгусских параллели. На картах форма и размер ареала свидетельствуют о том, что одни случаи полисемии ограничены определенной областью, а другие широко распространены и занимают территорию всей Западной Сибири, вообще всей Сибири или всей Евразии. В корнях с праязыковой полисемией, не привязанной к конкретному ареалу, обнаружены семантические переходы, закрепленные на определенной территории. Показаны случаи возможного влияния экстралингвистических факторов на аналогичные семантические изменения в неродственных языках (‘кора’ в самодийских, тюркских и тунгусских языках), а также случаи влияния семантики тюркских языков на исконную лексику в контактных самодийских языках (‘пепел’, ‘глина’).

Ключевые слова: базисная лексика, самодийские языки, тюркские языки, тунгусские языки, полисемия, синкретизм, широкое значение, семантический переход, этимология, семантическая реконструкция, ареальная лингвистика, языковые контакты

А. Е. Загребин. Август Альквист: трудности этнолингвистического перехода

Будучи одной из ключевых фигур в финском, финно-угорском и урало-алтайском языкознании второй половины XIX в., Август Энгельбрехт Альквист (1826—1889) долго оставался в тени получивших большую известность исследователей.

А. Э. Альквист сформировался как ученый, политический деятель и литератор под влиянием движения национального пробуждения финнов. Его наставниками были основатель финской философской школы И. В. Снелльман, составитель карело-финского эпоса «Калевала» Э. Лённрот и поэт-романтик И. Л. Рунеберг. Свои первые экспедиции в 1845—1855 гг. А. Альквист провел, записывая рунические стихи, лирические песни, собирая образцы речи и делая этнографические наблюдения среди финнов, карел, води, эстонцев и вепсов. Следующие три года он был в Среднем Поволжье и Западной Сибири, изучая языки и образ жизни чувашей, мордвы, марийцев, манси и хантов. Передовые идеи и опыт полевых исследований позволили ему в 1863 г. стать профессором финского языка и литературы Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе. Его книга о «культурных словах» в западно-финских языках еще более сблизила лингвистику и этнографию. За заслуги в деле изучения финно-угорских народов А. Альквист был избран членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Продолжая полевые исследования в 1877 и 1880 гг., он вновь побывал у хантов и манси, издав свои этнографические записки отдельным томом. Вместе с единомышленниками — О. Доннером и Й. Р. Аспелином — в 1883 г. учредил Финно-Угорское Общество, а в следующем году был избран ректором университета в Гельсингфорсе.

А. Э. Альквист стал связующим звеном между прошлым и будущим финно-угорских исследований и одним из создателей финского литературного языка. Не менее значимы его этнографические наблюдения, способствовавшие выделению финно-угорской этнографии в самостоятельную отрасль научного знания.

Ключевые слова: А. Э. Альквист, фольклор, финский язык, экспедиции, финно-угорские народы